

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-235-249
УДК 81"42; 801.81:398

Народные и авторские сказки в аспекте языкового сознания

Анатолий Леонидович ШАРАНДИН¹, Исинь ЛИ²

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, e-mail: sharandin@list.ru

²Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
517182, Китайская Народная Республика, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюеюань, 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>, e-mail: isinli@mail.ru

Folk and author's fairy tales in the aspect of linguistic consciousness

Anatoly L. SHARANDIN¹, Yixin LI²

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, e-mail: sharandin@list.ru

²Shenzhen MSU-BIT University
1 International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen
517182, Guangdong Province, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>, e-mail: isinli@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ проблемы взаимосвязи народных, народно-авторских и собственно авторских литературных сказок с типами языкового сознания. Результаты анализа свидетельствуют о том, что тексты сказок являются языковыми репрезентантами творческого (художественного) сознания и коррелируют с типами концептов. Народные сказки отражают творческий потенциал обыденного сознания и репрезентируют фольклорный концепт. Народно-авторские сказки представляют собой сказки-интерпретации, которые отражают синкретичное (коллективно-индивидуальное, народно-авторское) сознание и реализуют фольклорно-литературный концепт. Собственно литературная сказка является текстовым репрезентантом индивидуального художественного сознания её автора и сформировавшегося художественного концепта. Важно учитывать форму бытования сказок – устную (народные сказки) и письменную (авторские литературные сказки), их связь с субъектом (рассказчик или автор) и направленность на объект (слушатель или читатель). Это обуславливает вариативность и невариативность сказок. Типы языкового сознания связаны с языком: в фольклорных сказках используется не обработанный мастерами народный язык, в авторских сказках – литературный язык, который реализует индивидуально-авторскую систему языковых средств. В народных сказках представлена традиционная фольклорная поэтика, в авторских сказках – традиционно-художественная и собственно художественная поэтика. Идиостиль народных сказок – традиционный для фольклора, идиостиль литературных сказок – индивидуально-авторский.

Ключевые слова: русская народная сказка; авторская сказка; языковое сознание; языковая личность; фольклорный концепт; художественный концепт; языковая репрезентация

Для цитирования: Шарандин А.Л., Ли Исинь. Народные и авторские сказки в аспекте языкового сознания // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 235-249. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-235-249

Abstract. The analysis of the problem of the relationship among folk, authors' folk and authors' literary tales with linguistic consciousness types is presented. The analysis results indicate that the texts of fairy tales are linguistic representatives of creative (artistic) consciousness and correlate

with types of concepts. Folk tales reflect the creative potential of everyday consciousness and represent the folklore concept. Authors' folk tales are interpretative tales that reflect the syncretic (collective and individual, folk and author's) consciousness and implement the folklore and literary concept. The literary fairy tale itself is a textual representative of its author's individual artistic consciousness and the reached artistic concept. It is important to take the form of fairy tales' household into account – oral (folk tales) and written (author's literary tales), their relationship with the subject (storyteller or author) and focus on the object (listener or reader). This determines the variability and non-variability of fairy tales. Types of linguistic consciousness are associated with the language: in folklore tales, folk language that is not processed by masters is used, in author's tales, literary language that implements an individually authors' system of language means is used. In folk tales, traditional folk poetry is presented, in author's tales – traditionally artistic and artistic poetics. The individual style of folk tales is traditional for folklore and the individual style of literary tales is individually authors'.

Keywords: Russian folk tale; author's fairy tale; linguistic consciousness; language personality; folklore concept; artistic concept; linguistic representation

For citation: Sharandin A.L., Li Yixin. Narodnyye i avtorskiye skazki v aspekte yazykovogo soznaniya [Folk and author's fairy tales in the aspect of linguistic consciousness]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 235-249. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-235-249 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Рассмотрение сказки как особого жанра, представленного в устном народном творчестве и в художественной литературе, с точки зрения реализации ими определённых типов сознания вполне правомерно, поскольку сказочные тексты являются языковой репрезентацией сознания их создателей. Взаимосвязь типов сознания с создателями сказок логична в связи с тем, что в качестве их авторов выступают разные типы языковой личности: народ как коллективная языковая личность и автор как конкретная языковая личность. Но в любом случае антропоцентрический характер сказок не вызывает сомнений, если иметь в виду, что текст наиболее полно и репрезентативно представляет языковое сознание его создателя и языковые средства, выбор которых также определяется сознательной речемыслительной деятельностью его автора. Конечно, при этом художественное творчество предполагает и бессознательное использование языковых средств, о чём свидетельствуют признания самих авторов об отсутствии у них авторской мотивации в употреблении того или иного средства языка в качестве инструмента для достижения авторской цели.

Антропоцентрический характер сказочных текстов обусловлен также и реализацией в них интерпретирующей функции языка. Любой текст сказки не отражает действительность фотографически, зеркально, а преломляет её через отношение его создателя. Механизм интерпретации всегда в той или

иной мере присутствует в сознании автора сказок, поскольку «его существование и деятельность развёртываются не просто в объективной действительности, но в мире созданных им образов, знаков и символических форм, присущих самой структуре человеческой жизни» [1]. С помощью языка человеку удаётся выразить результаты познания и с его же помощью осуществить передачу полученных знаний о мире другим членам общества в процессе их социально-культурного взаимодействия. Но опять-таки по своему характеру интерпретация мира в тексте оказывается различной, поскольку осуществляется разными типами языковой личности. Поэтому одним из основных вопросов изучения сказок является вопрос о характере языкового сознания их создателей, о средствах и способе его репрезентации в тексте. Это тем более интересно с исследовательской точки зрения, учитывая генезис развития сказки и отражение в ней концептуального и языкового сознания разных её создателей.

Сказка, как известно, является одним из древних видов творческой деятельности народа. Не вдаваясь в историю зарождения и развития сказки на базе мифологии, что, конечно, значимо, поскольку мифологическое сознание считается одним из древних и специфических типов сознания человека, которое в той или иной степени присутствовало в сказках, в статье мы рассматриваем характе-

ристики народной сказки как сформировавшегося жанра в рамках устного народного творчества (УНТ) или устного народного поэтического творчества (УНПТ). Наряду с данными терминологическими сочетаниями, в научной и учебной литературе используются и другие составные термины, получившие своё бытование, как: «устная словесность», «народная словесность», «народная поэзия» и т. д., но чаще всего используется международный термин «фольклор»¹. Не вдаваясь в терминологический спор, отметим, что для нас в русских терминах важны такие компоненты, как «творчество», «народный», «устный», «поэтический» и «словесность». В этом случае мы акцентируем внимание на творческом характере речемыслительной деятельности, которая использует устный вербальный (словесный) способ отражения мира в его поэтическом (художественном) варианте и присуща народу как коллективной языковой личности. Однако данные компоненты имеют различное научное истолкование и поэтому требуют некоторого нашего уточнения.

Прежде всего, относительно понятия «творчество». В наиболее широком смысле оно определяется как деятельность человека или народа, направленная на создание чего-то нового. Различие между творческим и нетворческим видом деятельности в самом общем виде видится в следующем. *Творческое* – это нечто активное и продуктивное, связанное с созданием и привнесением чего-то нового в результаты деятельности народа или человека, а *нетворческое* предполагает некую пассивность, которая связана с репродуктивной их деятельностью, основываясь на стандартах, стереотипах [2, с. 88]. Творчество имеет различную представленность результатов в разных сферах деятельности человека. Но достаточно однозначно языковое творчество воспринимается в связи с художественным словесным творчеством. Так, по мнению Д.Н. Овсяннико-Куликовского, «языковое творчество – это творчество художественное» [3, с. 212].

Особый интерес для нас имеет идея философа Г.Г. Шпета о творчестве как *отборе языковых средств*. Для него «смысл жаждет

творческого воплощения, которое своего материального носителя находит, если не исключительно, то преимущественно и образцово в слове. Именно развитие и преобразование уже данных, находящихся в обиходе форм слова, и есть творчество, как логическое, так и поэтическое» [4, с. 45]. Г.Г. Шпет считает, что «произведение есть продукт некоего целемерного созидания, то есть словесного творчества, руководимого не прагматической задачей, а внутренней идеей самого творчества, как *sui generis* деятельности сознания» [4, с. 142]. Идея творчества осмысливается здесь уже в тесной связи с поэтическим (художественным) творчеством, которое преобразует существующие в языке связи в результате творческого акта [2, с. 90]. Поэтому не случайно фольклор имеет также терминологическое обозначение «народное поэтическое творчество», которое указывает на художественность (поэтичность) как на признак, по которому отличают фольклорное произведение от верований, обычаев и обрядов, но сближает с художественной литературой.

В отличие от данного понимания творчества, представленного в сказках, высказывается мнение об отсутствии в них творческого начала. Так, по мнению С.Б. Адоньевой, значительная часть фольклора является творчеством не в большей мере, чем любая другая человеческая деятельность. «Направление фольклорного действия противоположно направлению действия творческого: творить – значит создавать новое, в то время как фольклор ориентирован на старое, на канон, на поддержание традиции». В примечании она отмечает: «Спеть песню, построить забор, соткать полотно – все это действия, направленные на создание новых вещей, но по известным технологиям. Творчество в традиционной культуре может быть определено как творчество в пределах известной технологии (или *мастерство*)» [5, с. 3]. Это примечание для нас важно, поскольку мы согласны с тем, что, например, спеть песню – это в строгом смысле не есть собственно творчество, хотя при этом значимым и творческим может быть характер исполнения, подача песни, отношение к её содержанию и форме. Но, главное, прежде чем песня будет кем-то исполняться, её нужно *создать*. И

¹ См.: Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 429.

речевой акт её создания имеет, на наш взгляд, творческий характер. Он включает такой компонент, как творение (создание).

Другими словами, мы считаем, что фольклор ориентирован на старое, канон и традиции в той же степени, в какой и созданные литературные художественные традиции и прецедентные тексты оказываются использованными в дальнейшем в качестве тех или иных технологий. Для нас важен момент создания в фольклоре, который, думается, вполне соотносится с понятием «творческий» (см. выше понимание творческой деятельности). А то, что созданный текст сориентирован в дальнейшем на традиции и стандарты, связан с устной формой его существования и что его носителем оказывается народ, а не конкретная языковая личность, мы можем рассматривать как особенность генезиса развития сказки. В данном случае мы имеем в какой-то степени *антиномию*: сказка как жанр УНТ имеет в качестве её создателя конкретную языковую личность, но её авторство не оказывается закреплённым в сознании слушателей, поскольку устная форма её рассказа не способствует этому, существуя в формате «здесь и сейчас». В результате авторство сказочного текста «растворяется» в народе. Первый автор (создатель) сказки забывается, но, передавая «из уст в уста», народ берёт на себя функцию авторства сказки и оказывается её носителем, подобно тому как создание слова имеет индивидуальный речевой акт, но затем это авторство утрачивается, и созданная номинация включается в словарь русского языка, где мы имеем абстрагированность от авторства слова. Думается, можно привести с определёнными, конечно, оговорками и такой факт, когда авторские песни оказываются в восприятии носителей языка народными в силу их популярности и высокой частотности исполнения.

Таким образом, мы считаем, что более правомерно определять сказки в системе творчества, но при этом учитывать характер существования и использования сказки в дальнейшем, её разнообразное функциональное предназначение, которое в значительной степени связано с воспитанием и моралью (нравственностью) поколений. Особенности и функции сказки, конечно, связаны с их прагматикой, как справедливо отмечает

С.Б. Адоньева [5], но прагматика не отменяет статуса сказки как жанра в творчестве народа, не нейтрализует полностью творческие моменты в её существовании и бытовании.

В связи с признанием творческого характера результатов речемыслительной деятельности в фольклоре целесообразно рассмотреть специфику сознания с позиций языковой личности, участвующей в создании и бытовании сказок. При этом важно отметить, что понятие языковой личности применимо не только по отношению к отдельному индивидууму, но и по отношению к коллективу. В частности, на это указывал Н.С. Трубецкой: «личностью является не только отдельный человек, но и народ» (цит. по: [6]). Понятия сознания и языкового сознания присущи и той, и другой личности, которые в своей деятельности (творчестве) способны порождать основной продукт языкового сознания – текст. В принципе, если иметь в виду понятие субъекта творческой деятельности, то в его качестве «могут выступать: человечество, народ, отдельный человек, сила духа и – косвенным образом – сам язык» [2, с. 88].

Однако в нашем случае возникает вопрос: чем творчество народное отличается от творчества конкретной языковой личности или чем народное языковое сознание отличается от индивидуального сознания в случае, когда народ и индивидуум являются создателями (авторами) сказочных текстов? По определению С.Е. Никитиной, «Языковое народное сознание – воплощение народного миропонимания в языковой форме, в языковых стереотипах, из которых строятся тексты малых и больших жанров фольклора, участвующих в вербальной коммуникации» [6]. Другими словами, фольклорные произведения как результат народного творчества связаны с коллективным языковым сознанием. И эта связь имеет самое непосредственное отношение, естественно, к народным сказкам как одному из основных видов фольклорных произведений.

Что же особенного выделяют исследователи в содержании и языке народной сказки как тексте, который является языковым репрезентантом коллективного народного сознания? Эту особенность логично искать в характере познания и его отражении в сознании коллективной языковой личности, в её

мировидении и восприятии различных сторон жизни народа, в оценке народных взглядов норм поведения и в формировании жизненных идеалов, которые народу хотелось бы сформировать у живущего и будущего поколения. С этой точки зрения важным представляется вывод С.Е. Никитиной, проанализировавшей крестьянский уклад жизни, о том, что «главное – невыделенность личности из социума, обусловленная прежде всего традиционным образом жизни, то есть воспроизведением опыта предшествующих поколений без существенных изменений, одинаковостью занятий, подчинением миру – общине, регламентировавшей практически все проявления личной жизни, коллективными производственными и этическими традициями» [6].

В этом случае народное языковое сознание существует как «общее семантическое пространство», соотносящееся с концептуальным пространством, которое отражает восприятие народом мировоззренческих, культурно-эстетических, нравственных и моральных ценностей, его жизненный опыт. Народные сказки, репрезентирующие коллективное языковое сознание русского народа, отражают ту информацию, те знания, которые формируют *базовый уровень категоризации* действительности [7, с. 85-94], то есть уровень естественной категоризации в формате обыденного сознания. В этом случае задействованы не специальные, теоретические знания, а знания, которые присущи всем носителям языка и являются ориентировочной основой повседневного поведения человека, его восприятия и понимания жизни, её традиций, идеалов и нравственно-культурных ценностей. Базовый уровень характеризуется, если можно так выразиться, «усереднённым» осознанием действительности. В результате и формируются наиболее типическое восприятие, стандартное понимание, что позволяло бы не допускать коммуникативного сбоя в случае воспитания, привития нравственных начал и т. д. Именно такое осознание жизни оказывается в основе коллективного сознания. Оно формирует постоянные и традиционные элементы в композиции, сюжетах и содержании сказок, а также в их языке. В народных сказках мы имеем путь от жизненных фактов и деталей к их обоб-

щению. Творческая мысль народа как бы отсекает всё лишнее, что не способствует выражению типического и общего. Поэтому народные сказки демонстрируют искусство крупных обобщений, достигающее очень высокого уровня типизации. Это закономерно, поскольку художественные обобщения имели в фольклоре универсальные свойства, что, естественно, наследовали и народные сказки как один из основных жанров фольклора.

Однако рассмотрение сказки в качестве языкового репрезентанта обыденного сознания позволяет некоторым исследователям видеть в ней отсутствие художественного (и в этом смысле творческого) восприятия мира. В этом случае осмысление жизни в рамках обыденных (житейских) знаний противопоставлено собственно художественным знаниям, которые находят отражение в языке художественной литературы, связанным с художественным (поэтическим, эстетическим) типом сознания. Они считают, что язык фольклора вообще и язык сказок в частности не создавался специально, а является продуктом повседневной деятельности людей. Сказка учит жизни, добру и справедливости подобно тому, как родители учат в семье детей, используя повседневный язык общения, то есть текст сказки оказывается приравненным к практическим текстам, которые репрезентируют обыденное сознание.

Думается, полностью с этим согласиться нельзя. На наш взгляд, обыденное сознание также могло быть основой для формирования художественных (фольклорных) знаний. Действительно, в основе обыденного сознания лежат житейские знания, которые базируются на здравом смысле и являются важной ориентировочной основой повседневного поведения человека². Согласно определению энциклопедического словаря «Философия», обыденное сознание – это «сознание, включённое в человеческую практику и не сформированное специально, подобно науке, искусству, философии» [8, с. 614]. Это позволяет некоторым исследователям трактовать обыденное сознание как низший, элементарный уровень общественного сознания, в противоположность теоретическому научному сознанию, которое появилось позднее и

² Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 192.

является высшей формой познания. В классификационном смысле с этим можно согласиться, но при этом следует иметь в виду, что обыденные знания, сформировавшиеся на основе обыденного сознания, присущи всем людям, то есть обыденное сознание имеет всеобъемлющий общечеловеческий характер, обеспечивая коммуникацию носителей языка. Это тот уровень общественного сознания, который обеспечивает устойчивость и динамичность человеческого познания и восприятия мира.

Как отмечают авторы статьи «Устное народное творчество – важнейший компонент обыденного сознания», «отождествление устного народного творчества с обыденным сознанием не случайно» [9, с. 139]. С одной стороны, устное народное творчество представляет собой структурно составляющий компонент обыденного сознания. С другой стороны, эмпирическое знание, формирующее ядро обыденного сознания, складывается непосредственно в бытовой жизни народа, отношение к которой отражено в разных жанрах народного творчества, включая, конечно, сказки. По их мнению, «устное народное творчество представляет особую сферу отношения к миру, с помощью которой в художественно-обобщенной форме человек выражает своё эстетическое кредо, то есть эстетически осваивает действительность. Фольклор, отражая различные стороны общественной жизни, не просто воспроизводит их, а эстетизирует» [9, с. 141]. И поэтому не случайно, З.Д. Попова и И.А. Стернин, определяя компоненты обыденного сознания, включают в его состав эмпирические знания, общественную психологию и *народное художественное творчество* [10, с. 29].

Таким образом, сказка как представитель народного художественного (поэтического) творчества оказывается в составе обыденного сознания, наряду с другими его компонентами, но при этом не лишается творческого характера, не лишается художественности в том понимании, которое существовало на этапе формирования и развития сказки как жанра фольклора. Главным принципом художественного отражения в ней жизненных установок был народный, а не индивидуальный принцип осознания действительности и жизнедеятельности человека. Как отмечалось

выше, он был связан с «невыведенностью личности из социума» (С.Е. Никитина) и тем самым с подчинённостью индивидуального коллективному. Это требовало типизации, обобщения, выработки стереотипности и традиций в фольклорных концептах и их отражения в языке народных сказок.

При этом важно то, что устная форма фольклорных произведений позволяет обширным народным массам как бы участвовать в их создании. Коллективный же характер народного творчества даёт возможность народу прямо и полно выражать свои мысли и эмоции, любовь и ненависть, моральные ценности, идеалы и желания, а также мировоззрение. А это значит, что обыденные знания, определяющие сущность обыденного сознания, оказываются базовыми для носителей языка. Но, как и любые знания, житейские знания могут быть включёнными в творческий процесс, отражающий народные установки на творчество (вымысел, фантазии, символизм).

Таким образом, *обыденное сознание вполне совместимо с творчеством* народа как создателя сказки. И такие концептуальные признаки сказки, как **стереотипность, стандартность, типизация и традиционность** не отменяют её художественность. Более того, именно эти признаки и **определяют художественное осмысление действительности**, её концептуализацию, которая находила отражение в фольклорных концептах.

Понятие *фольклорного концепта* широко представлено в научном изучении сказок и УНТ в целом. Такое внимание к ним обусловлено антропоцентрическим подходом к описанию языка и развитием лингвокогнитологии и лингвокультурологии как направлений, наиболее полно реализующих принцип антропоцентризма в исследованиях. Поэтому естественно обращение к концепту как центральному понятию в изучении мыслительной деятельности человека и народа с точки зрения отражения в ней культурного содержания концептов, и прежде всего ключевых концептов, определяющих мировидение и мировосприятие носителей языка того или иного этноса. Сказки как фольклорные тексты, без сомнения, относятся к репрезентантам языкового народного сознания и определяют восприятие сформировавшихся ключе-

вых концептов на том или ином этапе историко-культурного развития народа. Поэтому *фольклорный концепт оказывается особым типом лингвокультурного концепта* и является образованием национального языкового сознания, которое отражается в фольклорной картине мира. Такую взаимосвязь, в частности, отмечает Ю.А. Эмер, которая трактует фольклорный концепт как «дискурсивный вариант общекультурного концепта, ...фрагмент дискурсивной фольклорной картины мира» [11, с. 73].

По мнению исследователей, образный и ценностный компоненты фольклорного концепта отличаются от соответствующих составляющих общекультурного концепта особой системой фольклорных образов и представлений о мире, не всегда совпадающих с общекультурными представлениями, а также имеют специфические языковые средства их репрезентации. Поэтому выявление специфики фольклорного концепта, по мнению Ю.А. Эмер, невозможно без сравнения его с художественным концептом. Это, на наш взгляд, совершенно справедливо, если понимать художественность как признак, различающий фольклорные и литературные произведения, а не объединяющий их. Для нас, в данном случае, важно понимание того, что фольклорный концепт формируется как результат творчества, только представленного устной сферой словесности. Принципиальное отличие фольклорного концепта от художественного Ю.А. Эмер видит в том, что художественный концепт диалогичен по своей природе. Фольклорный же концепт монологичен и представляет собой отражение знания коллектива, фиксирует коллективный опыт. Хотя, думается, в своём первичном формировании и фольклорный концепт диалогичен, поскольку он отражает первоначально знания индивидуума, но затем, сформированный на индивидуальной основе, фольклорный концепт приобретает коллективную форму его реализации в общении, передавая в этом случае уже коллективные знания. Другим важным отличием фольклорного концепта от художественного является текстовая реализация важнейших ментальных оппозиций, имеющих устойчивое и традиционное представление в коллективном

сознании: «ДОБРО/ЗЛО», «ТРУД/ЛЕНЬ», «УМ/ГЛУПОСТЬ» и т. д.

Таким образом, в рамках концепции Ю.А. Эмер фольклорный концепт и художественный концепт рассматриваются как концепты, сформированные в рамках творчества. Различие же между ними обусловлено разным пониманием характера творчества, представленного в фольклоре и литературе.

Однако, на наш взгляд, вполне можно было бы видеть в художественности общий признак, объединяющий собственно фольклорный и собственно художественный концепты. В частности, по мнению Ю.А. Эмер, «и фольклорный, и художественный концепты являются единицами авторской (индивидуальной/коллективной) картины мира, характеризуются образными средствами выражения и эстетической направленностью, обусловленными творческим замыслом автора. И фольклорный, и художественный концепты являются универсальным опытом, зафиксированным в культурной памяти этноса» [11, с. 77]. В этом случае художественность может быть истолкована как эстетическая категория, присущая народному творчеству (фольклорный текст) и индивидуальному творчеству (авторский литературный текст). И в рамках этой категории они оказываются составляющими её компонентами, обнаруживая специфику в способе художественного осмысления действительности – коллективном (фольклорный концепт) и индивидуально-авторском (литературный концепт). Но, на наш взгляд, и первое, и второе решение связано с пониманием художественности в отношении фольклора и литературы, а не с отрицанием её в фольклоре.

Таким образом, выделение фольклорного концепта как особого типа художественных концептов определяется не столько сущностными его отличиями, связанными с самим пониманием художественного концепта как ментальной единицы, сколько обусловлены характером художественных знаний (собственно фольклорных и собственно литературных). При этом важно учитывать и специфику его создания на основе коллективного сознания, а также его реализацию в устной форме своего бытования. Отражение коллективных знаний, коллективного осознания культурно-эстетических ценностей позволяет

видеть в фольклорном концепте некоторые архетипические свойства и признаки, присущие русскому народу в восприятии действительности (коллективность, анонимность, традиционность). В случае использования фольклорных концептов в тексте сказок они приобретают ту или иную степень художественности.

Что же касается собственно художественного концепта (в узком смысле слова *художественный*), то его специфика, на наш взгляд, обусловлена особенностями образного освоения действительности, который представлен в языковом плане художественной литературой. По нашему мнению, «с точки зрения художественных знаний носителю языка необходимо постичь слово или текст как знак творчества, как образ, чтобы осознать и понять индивидуальность авторского видения действительности» [12, с. 15]. В этом случае мы имеем дело с художественным мышлением. И автор художественного текста мыслит, прежде всего, концептами-образами, используя экспрессивность и ассоциативность языковых средств. Это выражается в его стремлении «найти такие слова и высказывания, их сочетания и расположения, которые в максимальной степени позволяют ему добиться реализации своего художественного замысла» [12, с. 23]. В этом смысле писатель создаёт свой образ реального мира, не удовлетворяясь чужим (в том числе и народным) представлением о действительности. Он стремится в образности своего произведения глубже отразить сущность индивидуального бытия, не игнорируя и бытие народное, представленное в сказках.

При этом важно заметить, что существует не только «явная образность», то есть выраженная тропами, но и «общая образность» (А.М. Пешковский), осознание которой осуществляется на основе текста в целом. По нашему мнению, «общая образность – это то, что отличает художественный текст как произведение искусства от практических текстов, служащих средством человеческого общения, накопления и передачи информации» [13, с. 57]. В сказках, особенно социально-бытовых, на наш взгляд, мы имеем, прежде всего, «общую образность».

Таким образом, то, что сказки имеют коллективного автора, сознание которого

ближе к обыденному сознанию, чем к собственно художественному, не означает, что они оказались тождественными практическим текстам. Сказки представляют народное творчество, направленное на создание произведений воспитательного и нравоучительного характера. И достижение этого осуществляется с помощью реализации художественного замысла, выраженного также отбором языковых средств, которые выполняют функцию образных средств. Художественный замысел предполагает не только употребление изобразительно-выразительных средств (что в сказках тоже есть), но и силу воздействия на слушателя, которая является следствием «общей образности» текста в целом. И в этом смысле художественная сила сказки не вызывает сомнений.

При этом важно учитывать, что художественность как эстетическая категория имеет различное понимание и восприятие на том или ином этапе социально-культурного развития общества. Сказки, как отмечалось выше, связаны с древнейшим периодом жизни народа. Самые ранние сведения о русских сказках относятся к XII веку. В частности, исследователи отмечают наличие этих сведений в памятнике древнерусской письменности «Слово о богатом и убогом» в описании отхода ко сну богатого человека. Насколько сопоставимы художественные установки русского народа, даже XII века, с пониманием художественности более поздних периодов, с современным истолкованием художественности как концептуального признака литературы? Не нарушаем ли мы принцип историчности и преходящего характера нашего познания мира и его отражения в языке, когда отказываем в художественности сказкам и фольклору в целом (см.: [5])?

На наш взгляд, признание категории образности в качестве когнитивной доминанты художественности позволяет видеть в ней то, что объединяет художественные тексты на разных исторических этапах их создания. А образность присутствует не только в художественной литературе, но и в сказках. Другое дело, что сказочные образы в народных сказках отражают народное восприятие и понимание, обусловленное коллективным характером народного сознания, что находит отражение в их типизации, отсутствии психо-

логизма и стереотипности. В литературных же сказках образы в большей степени детализированы, психологичны и индивидуальны в восприятии авторов сказок. Поэтому художественный замысел народа и авторов оказывается разным в отражении образов сказок. Это обуславливают и различия в языковых средствах, участвующих в создании сказочных образов. Ведь не случайно С.Б. Адоньева, отрицая художественный и творческий характер фольклора, тем не менее, отмечает существенный момент: «граница между художественными и нехудожественными текстами может меняться с течением времени. Один и тот же текст в разных культурных системах может быть воспринят и осмыслен по-разному» [14, с. 16].

В эпоху создания сказок категория художественности определялась народным (коллективным) сознанием, представленным обыденным сознанием, но которое при этом не исключало творческого и художественного начала в создании сказочных текстов. Народ был творцом сказок, включая в их концептуальное содержание своё традиционное видение мира и отбирая те традиционные языковые средства, которые именно данное народное видение представляют в системном плане. Устная форма закрепления сказочного содержания не могла быть многообразной, хотя и допускала некоторую вариативность, прежде всего в языковых средствах. Письменная же форма изложения сказки в авторских произведениях позволяла усилить многообразие в содержательном и языковом плане, поскольку письменный текст мог восприниматься не только «здесь и сейчас» (как устный текст народной сказки), но и во времени и пространстве, соотнося сказочный текст с конкретным автором. Другими словами, народная и литературная сказки сложились в разное время на различной культурно-исторической основе, в силу чего и создаётся впечатление, что народные сказки лишены творческого начала и вследствие этого художественности, тогда как литературным сказкам присуща художественность, поскольку в них реализуется творческий потенциал конкретной языковой личности.

Некоторого уточнения, на наш взгляд, требует и вывод С.Б. Адоньевой относительно того, что «определение языка как творче-

ской деятельности снимает проблему качественного своеобразия художественного текста. Любой текст оказывается художественным в той или иной мере» [14, с. 16]. Думается, художественность любого текста определяется не столько пониманием языка как творческой деятельности, связанной с проявлением национального духа (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня и др.), сколько, учитывая творческий характер языка, позволяя использовать его в качестве основного средства (инструмента, механизма) в создании образности художественного текста, его восприятия в эстетической функции. В тех же случаях, когда признаки художественности отсутствовали, текст не становился художественным, несмотря на признание за языком творческой деятельности, творческого характера (ср., например, публицистические тексты, рекламные тексты и т. п.).

Таким образом, народные сказки, являясь одним из жанров фольклора, соответствуют их рассмотрению и осмыслению с позиций творчества: они представляют собой результат творческой деятельности народа в качестве коллективной языковой личности, реализуют коллективное обыденное сознание, отражающее художественное (фольклорное) осмысление и восприятие мировидения с учетом его аккумуляции в устной форме. Поэтому народные сказки в рамках фольклора характеризуются основными признаками, присущими понятийному содержанию термина «устное народное поэтическое творчество».

В этом плане они оказываются противопоставленными собственно авторским литературным сказкам. В них индивидуально-авторское творчество представлено художественной литературой как областью словесного искусства. Авторские сказки являются языковым репрезентантом художественного мышления, которое оперирует понятием художественного концепта. «Художественное воссоздание мира» (В.В. Виноградов) предполагает реализацию индивидуально-авторского сознания, присущего отдельной конкретной языковой личности. В результате создаётся произведение в рамках *другой самостоятельной художественной системы – художественной литературы*. Она сориентирована на письменную форму представле-

ния текста, что позволяет ему во времени и пространстве сохранять не только изначальное концептуальное содержание, но и языковую форму. Народные сказки не имеют единого автора в функциональном смысле, на их формирование оказал влияние не один человек, а множество сказителей. Это обусловило вариантность народных сказок, которая явилась следствием устного рассказа сказок, тогда как такого рода вариантность в письменных текстах авторских сказок отсутствует. Однако у литературных сказок присутствует вариативность в осмыслении содержания сказок со стороны читателя. Он имеет возможность один и тот же текст интерпретировать в разное время (ср. восприятие литературных сказок одним и тем же читателем в детстве и будучи взрослым).

Индивидуальное языковое сознание предстаёт как свойство индивидуума, его способность отображать действительность, оформляя свои впечатления и восприятие в языковой форме. Показательны в этом смысле авторские сказки, которые являются интерпретацией народных сказок, когда часть знаний, получаемых отдельной языковой личностью, формируется под влиянием коллективных знаний, присущих народу. Индивидуум стремится постичь коллективное сознание, приближаясь к нему, но индивидуальное сознание не перекрывает полностью коллективное сознание. И сказки демонстрируют это. Авторы литературных сказок стремятся постичь совершенство и простоту народных сказок, их лаконичность и образность, используя для этого установку на традицию, стереотипность, ориентацию на повторы, создающие специфическую ритмичность, устойчивость и традиционность образительно-выразительных средств (тропов), достаточно простой синтаксис, позволяющий формировать мысль, сориентированную на обыденное, житейское общение, и т. д. Как отмечают исследователи, авторские литературные сказки формировались на основе народных сказок, их традиций. Даже в том случае, когда автор сказки оказывался не интерпретатором народной сказки, а создавал самостоятельное оригинальное произведение, он, тем не менее, учитывал сказочные народные традиции.

В этом смысле в речемыслительной деятельности автора сказки можно видеть нетворческий подход к созданию сказочного текста, поскольку он использует технологию создания сказки, исходя из традиций, стереотипности и стандартности основных художественных приёмов, используемых в народных сказках. Однако если видеть в части использования народных традиций, коллективных знаний, сформировавшихся в коллективном сознании, – нетворческое, а в части реализации индивидуального сознания, формирующее его индивидуально-авторское видение концептуального содержания сказки и отбор языковых средств для его репрезентации, – творческое, то при таком понимании творчества (художественности) литературная сказка теряет свою цельность (целостность) идейно-художественного замысла её автора. Отношение к традиции народных сказок также является творческим актом, поскольку автор интерпретирует их, производит отбор для своей сказки.

Таким образом, и в случае народной сказки, и в случае авторской сказки мы имеем тексты, в которых реализуется коллективное и индивидуальное сознание как отражающее творческую речемыслительную деятельность их субъектов – народа и конкретной языковой личности. Другое дело, что в союзе традиций народных сказок и нового в авторской сказке в большей степени актуализировано индивидуально-авторское видение мира, что и позволяло выявлять знания, которые связаны с индивидуальными, прежде всего психическими, свойствами личности. Эти знания отражают её собственный опыт жизни, восприятие культурно-эстетических ценностей в понимании их индивидуумом. В результате коллективное и индивидуальное языковое сознание пересекаются, но не являются тождественными. Их взаимосвязь оказывается взаимодополняющей, что и обеспечивает динамику языкового сознания как основного и важнейшего ментального процесса, представленного концептуализацией и категоризацией мира в языке.

Основное различие между народными и авторскими сказками обусловлено, на наш взгляд, тем, что в народных сказках мы имеем дело с фольклорным концептом, который стремится к художественным обобщениям и

типизации в осмыслении действительности, тогда как собственно художественный концепт, реализуемый в авторских сказках, в большей степени сориентирован на индивидуализацию художественного мышления. В этом смысле писатель создаёт свой образ реального мира, не удовлетворяясь чужим (в том числе и народным) представлением о действительности. Он стремится в образности своего произведения глубже отразить сущность индивидуального бытия в сказках. Исследователи авторских сказок (см.: [15]) отмечают по сравнению с народными сказками развёрнутость повествования, больший психологизм героев, расширенное описание их внутреннего мира, наличие портретных описаний и пейзажей, указание на реальное время и пространство, наличие множества сюжетных линий и авторских отступлений, рассуждений и т. д. Всё это позволяет создать художественный мир в индивидуально-авторском восприятии, для чего привлекаются разнообразные тропы и языковые средства, особенно метафоры, которые в народных сказках представлены в меньшей мере. Но это не исключает того, что народ, как коллективный автор фольклорного произведения (сказки), также использует художественную концептуализацию мира. Он также осознанно стремится донести до слушателей тот художественный замысел, который соотносится с народными ценностями и с народным познанием мира, стремится найти лаконичные и простые слова, словесные изобразительные фигуры, художественные формулы, которые позволят добиться реализации народного восприятия действительности и жизни народа.

Однако, наряду с противопоставлением собственно народной сказки и собственно авторской литературной сказки, мы имеем авторские литературные сказки, сориентированные на интерпретацию собственно народных сказок. Например, произведение А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» в концептуальном понимании соотносится с народной сказкой «Жадная старуха». В частности, сравнительный анализ, представленный Е.В. Родных, показал следующее.

В той и другой есть главные герои – старик и старуха, которые характеризуются, в принципе, достаточно близко, схоже. 1. Об-

раз старухи в народной сказке: вредная, жадная, сварливая, сердитая, старая, глупая, грубая, требовательная, плохая, гадкая, своевольная; образ старухи у Пушкина: вредная, жадная, сварливая, сердитая, старая, глупая, грубая, требовательная, плохая, гадкая, своевольная. 2. Образ старика в народной сказке: слабовольный, исполнительный, безотказный, послушный, трусливый; образ старика у Пушкина: добрый, пытается противиться старухе, не хватает смелости, твёрдости характера. 3. Наличие исполнителя желаний: в народной сказке в этом качестве выступает старое дерево, а у Пушкина – золотая рыбка. Главное не в том, что они разные, а в том, что они есть. 4. Отношения между стариком и старухой: в народной сказке старуха командует стариком, заставляет просить всё у дерева; у Пушкина старуха приказывает, бранится, ругается, заставляет просить у золотой рыбки. 5. Наличие исполненных желаний: в народной сказке было 6 желаний (богатство, бурмистр, барин, полковник, генерал, царь); в сказке Пушкина 4 желания (крыто, изба, столбовая дворянка, вольная царица). 6. Неисполненное желание: в народной сказке – быть Богом; у Пушкина – быть владычицей морскою. 7. Наказание: в народной сказке старик и старуха были превращены в медведя и в медведицу и оставлены жить в лесу; в сказке Пушкина старуха осталась у разбитого корыта (см.: [16]).

Таким образом, несмотря на некоторые различия, можно утверждать концептуальную близость народной сказки и литературной сказки А.С. Пушкина. Об этом, в принципе, свидетельствует и тот урок, который может быть извлечён слушателями и читателями этих сказок, а именно: нельзя жадничать, ибо жадность до добра не доводит, а также надо ценить человеческие отношения. Что же касается различий, то они в большей степени представлены в языковом плане: язык народной сказки предстаёт как «обработанный мастером», то есть как литературный язык. Это находит, в частности, отражение в системе образных выражений и изобразительно-выразительных средств.

На наш взгляд, можно сделать вывод о том, что авторская литературная сказка А.С. Пушкина представляет собой, скорее всего, интерпретацию общего смысла народ-

ной сказки. Поэтому *по содержанию* она *народная*, а *по форме* (письменный текст, рассчитанный на запоминание, чему способствуют обработанный А.С. Пушкиным язык, стихотворная форма, ритм и др.), – *литературная*. Это и позволяет рассматривать её как *народно-литературную (сказку-интерпретацию)* и тем самым отличать от собственно народной сказки. В сказке А.С. Пушкина в большей степени представлено народное осмысление смысла, положенного в основу народной сказки, наличие народных сказочных традиций, которые обусловлены существованием сказки в системе устного народного творчества.

В этом смысле интересны результаты сравнения сказок-интерпретаций разных авторов, содержание которых соотнесено с одним и тем же народным сказочным текстом. Так, сравнительный анализ сказки А.С. Пушкина «Сказка о мёртвой царевне» и сказки В.А. Жуковского «Спящая царевна» показал, во-первых, что та и другая сказки близки к народной сказке, обнаруживая сходства с ней в содержании и языке (наличие зачина и концовки, волшебный сюжет и волшебные предметы, повторы, борьба добра и зла, при этом добро побеждает зло, деление героев на положительные и отрицательные, постоянные эпитеты, сравнения и т. д.). Но, реализуя в них своё авторское видение и осмысление сюжета и народных традиций, А.С. Пушкин и В.А. Жуковский по-разному реализуют в них своё авторское видение и осмысление сюжета и народных традиций. Как отмечается в анализе³, только у Пушкина актуализировано авторское отношение к героям, которое передано через их описание. Кстати, это отличает авторскую сказку Пушкина не только от авторской сказки Жуковского, но и от народной сказки, которая, как правило, не содержала такой информации. Пушкин же передаёт собственное отношение к царевне словами *красавица-душа, милая девица, моя душа* и т. д., к мачехе – через цвет: *на чёрное дело посылает чернавку, черницу*, она *чёрной зависти полна*. Во-вторых, оценивая результаты интерпретации народной сказки, автор анализа делает вывод о том, что, «написан-

ные по похожему сюжету, сказки Пушкина и Жуковского воспринимаются как совершенно разные произведения. В пушкинской – русский дух, народные образы и язык, увлекательный сюжет, интрига, зависть. Его сказка – прямая наследница народной сказки»⁴.

Итак, сказка может предстать *в трёх ипостасях*: **народная сказка** (собственно фольклорная), **народно-литературная сказка (сказка-интерпретация, или сказка-ремейк)**, которая сориентирована на фольклорный источник, но при этом подверглась интерпретации со стороны автора, и **собственно литературная сказка**, которая является оригинальным литературным произведением, созданным конкретным автором. В принципе, эта классификация в настоящее время оказывается достаточно распространённой. Так, Л.В. Овчинникова классифицирует литературные сказки на *фольклорно-литературные и индивидуально-авторские* [17, с. 92].

Критерием их разграничения является степень близости концептуального содержания. Народно-литературная сказка обнаруживает значительную близость по содержанию собственно народных сказок, что выражается в авторской интерпретации народных сказочных традиций, а различия лежат в плоскости варьирования содержания и языковой формы его выражения (ср. народную сказку «Жадная старуха» и литературную сказку А.С. Пушкина «Сказка о старике и рыбке»). Собственно литературная сказка не имеет соответствия с концептуальным содержанием народной сказки и реализует индивидуально-авторскую систему языковых средств, которые сориентированы в большей степени на художественный концепт, а не на фольклорный (ср. сказки С. Писахова).

Данная классификация сориентирована на *различия в типах сознания*. *Народная сказка* является текстовым репрезентантом народного творческого обыденного сознания, представляющего коллективный опыт восприятия действительности и жизни народа. *Народно-литературная сказка* – это текстовый репрезентант творческого обыденного сознания народа в интерпретации индивидуального художественного сознания, когда коллективный опыт осмысливается с позиций индивидуального опыта писателя.

³ Сравнительный анализ сказок. URL: <https://ped-tehno.ru/content/sravnitelnyy-analiz-skazok> (дата обращения: 10.09.2019).

⁴ Там же.

Таблица 1

Различительные признаки в системе сказок

Тип сказки	Собственно народная	Народно-литературная	Собственно литературная
<i>Вид словесности</i>	фольклор (УНТ)	художественная литература	художественная литература
<i>Тип языковой личности</i>	коллективная языковая личность	индивидуальная языковая личность	индивидуальная языковая личность
<i>Форма бытования</i>	устная	письменная	письменная
<i>Тип субъекта</i>	рассказчик, сказитель	писатель, поэт	писатель, поэт
<i>Характер интерпретации субъектом</i>	вариативный	невариативный	невариативный
<i>Тип объекта</i>	слушатель	читатель	читатель
<i>Характер интерпретации объектом</i>	невариативный	вариативный	вариативный
<i>Тип сознания</i>	обыденное сознание	синкретичное сознание	художественное сознание
<i>Тип концепта</i>	фольклорный	фольклорно-художественный	художественный
<i>Язык</i>	народный, необработанный («сырой»)	литературный	литературный
<i>Поэтика</i>	традиционная	традиционно-художественная	художественная
<i>Идиостиль</i>	традиционный	традиционно-авторский	индивидуально-авторский

В результате мы имеем своего рода *синкретичное* (коллективно-индивидуальное, народно-авторское, обыденно-художественное) сознание их создателей, которое связано с осмыслением народных сказочных традиций через призму индивидуального сознания с целью их интерпретации в новой форме – литературной. Другими словами, сказки этих авторов оказались своего рода *народными по содержанию и авторскими (литературными) по форме*. Собственно литературная сказка реализует индивидуальное художественное сознание её автора, которое отражает «художественное воссоздание мира» (В.В. Виноградов) на основе индивидуального жизненного опыта.

Данные рассуждения представлены нами в табл. 1.

В функциональном плане их сближает то, что они выполняют в той или иной степени воспитательную, развлекательную, нравоучительную, развивающую и другие функции, которые в целом сориентированы на функции устного народного творчества, – «а) когнитивную (познавательную), через неё вторгаются в сознание нравственные импе-

ративы; б) эмоционально-духовную и в) мотивационную, мобилизующую волевою сферу личности изнутри, помимо требований, исходящих извне» [10, с. 143-144].

Таким образом, анализ проблемы взаимосвязи народных, народно-авторских и собственно авторских литературных сказок с типами языкового сознания свидетельствует о том, что тексты этих сказок в той или иной степени сориентированы на языковую репрезентацию творческого (художественного) сознания и коррелируют с типами концептов, сформировавшихся в сознании языковых личностей. При этом важно иметь в виду формы бытования сказок – устную и письменную и их связь с субъектом – рассказчиком или автором, направленность на объект – слушателя или читателя. Это обуславливает вариативность и невариативность содержания и формы сказок. Основным средством анализа сказок является язык, который демонстрирует различный свой поэтический (художественный) потенциал в разных типах сказок. Все это позволяет говорить о специфике их поэтики и об идиостиле их создателей (авторов).

Список литературы

1. Микешина Л.А. Философия познания: Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М., 2008.

2. Фешенко В.В. Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 84-94.
3. Овсянко-Куликовский Д.Н. Язык и искусство // Семиотика и Авангард: Антология. М., 2006. С. 212-215.
4. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта // Государственная академия художественных наук. Сер. «История и теория искусств». Вып. 8. М., 1927. 220 с.
5. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 312 с.
6. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. 124 с.
8. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
9. Федотов В.А., Лапина С.Н. Устное народное творчество – важнейший компонент обыденного сознания // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 12. С. 139-144.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ, 2002. 151 с.
11. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
12. Шарандин А.Л. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 10 (144). С. 18-26.
13. Шарандин А.Л. Оппозитивный метод в филологических исследованиях // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. Вып. 6 / под ред. К.Э. Штайн. Санкт-Петербург; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 56-60.
14. Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 186 с.
15. Цикушева И.В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 21-24.
16. Родных Е.В. Такие разные и такие похожие сказки. URL: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_12_4_2095.pdf (дата обращения: 15.09.2019).
17. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика. М.: Флинта: Наука, 2003. 312 с.

References

1. Mikesheva L.A. *Filosofiya poznaniya: Problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya* [Cognition Philosophy: Issues of Epistemology of Humanitarian Knowledge]. Moscow, 2008. (In Russian).
2. Feshenko V.V. Yazyk kak tvorchestvo i tvorchestvo v yazyke: k istorii lingvisticheskoy idei [Language as a creative work and creativity within the language. To the history of linguistic idea]. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*, 2012, no. 17, pp. 84-94. (In Russian).
3. Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N. Yazyk i iskusstvo [Language and art]. *Semiotika i Avangard: Antologiya* [Semiotics and Avantard: Anthology]. Moscow, 2006, pp. 212-215. (In Russian).
4. Shpet G.G. Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumbol'ta [The inner form of the word: Essays and variations on Humboldt]. *Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk. Ser. «Istoriya i teoriya iskusstv»*. Vyp. 8 [State Academy of Art Sciences. Series: "History and Theory of Arts". Vol. 8]. Moscow, 1927, 220 p. (In Russian).
5. Adonyeva S.B. *Pragmatika fol'klora* [Folklore Pragmatics]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2004, 312 p. (In Russian).
6. Nikitina S.E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoye soznaniye* [The Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 187 p. (In Russian).
7. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive Semantics]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 2000, 124 p. (In Russian).
8. Ivina A.A. (ed.). *Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Gardariki Publ., 2004, 1072 p. (In Russian).
9. Fedotov V.A., Lapina S.N. Ustnoye narodnoye tvorchestvo – vazhneyshiy komponent obydennoy soznaniya [Oral folk art is the most important component of everyday consciousness]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznaniye – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition*, 2018, no. 12, pp. 139-144. (In Russian).

10. Popova Z.D., Sternin I.A. *Yazyk i natsional'noye soznaniye: voprosy teorii i metodologii* [Language and National Consciousness: Questions of Theory and Methodology]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2002, 151 p. (In Russian).
11. Emer Y.A. *Sovremennyy pesenny fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern Song Folklore: Cognitions and Discourses]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2011, 266 p. (In Russian).
12. Sharandin A.L. Kognitivnaya poetika v sistemnom opisanii poeticheskogo yazyka [Cognitive poetics in system description of poetic language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 10 (144), pp. 18-26. (In Russian).
13. Sharandin A.L. Oppozitivnyy metod v filologicheskikh issledovaniyakh [Oppositional method in philological researches]. *Printsipy i metody issledovaniya v filologii: Konets XX veka. Vyp. 6* [Principles and Methods of Research in Philology: the Late 20th Century: Issue 6]. St. Petersburg, Stavropol, Stavropol State University Publ., 2001, pp. 56-60. (In Russian).
14. Adonyeva S.B. *Skazochnyy tekst i traditsionnaya kul'tura* [Fairy Tale Text and Traditional Culture]. St. Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2000, 186 p. (In Russian).
15. Tsikusheva I.V. Zhanrovyye osobennosti literaturnoy skazki (na materiale russkoy i angliyskoy literatury) [Genre features of a literary fairy tale (based on Russian and English literature)]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye – The Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and the Arts*, 2008, no. 1, pp. 21-24. (In Russian).
16. Rodnykh E.V. *Takiye raznyye i takiye pokhozhiye skazki* [Such Different and Similar Tales]. (In Russian). Available at: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_12_4_2095.pdf (accessed 15.09.2019)
17. Ovchinnikova L.V. *Russkaya literaturnaya skazka XX veka. Istoriya, klassifikatsiya, poetika* [Russian Literary Fairy Tale of the 20th century. History, Classification, Poetics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003, 312 p. (In Russian).

Информация об авторах

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sharandin@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание части текста статьи, редактирование.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Ли Исинь, соискатель, ассистент преподавателя. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, Провинция Гуандун, Китайская Народная Республика. E-mail: isinli@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, написание части текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Шарандин Анатолий Леонидович
E-mail: sharandin@list.ru

Поступила в редакцию 30.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 23.12.2019 г.
Принята к публикации 14.01.2020 г.

Information about the authors

Anatoliy L. Sharandin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: sharandin@list.ru

Contribution: study conception, literature analysis, part of manuscript text drafting, editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Yixin Li, Competitor, Lecturer's Assistant. Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, Guangdong Province, People's Republic of China. E-mail: isinli@mail.ru

Contribution: literature analysis, part of manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Anatoliy L. Sharandin
E-mail: sharandin@list.ru

Received 30 October 2019
Reviewed 23 December 2019
Accepted for press 14 January 2020